

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-4-648-656

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Поэтика ориентализма: повесть Леонида Соловьева «Кочевье»

Э.Ф. Шафранская, Т.В. Волохова

Московский городской педагогический университет
Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4
shafranskayaef@mail.ru; tvvolokhova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема ориентализма в литературе, суженная до вопроса «русского ориентализма» и его советского извода. Среди русских литературных ориенталистов упомянуты имена Николая Каразина, Андрея Платонова. Обозначены отличия советского ориентализма от ориентализма XIX века. Намечены перспективы исследования «Узбекистанских импрессион. Сальпр-Гюль» (1933) Сигизмунда Кржижановского и романа Павла Зальцмана «Средняя Азия в Средние века» (1930-е годы) в парадигме, представленной в статье. Впервые подробно анализируется повесть русского писателя XX века Леонида Васильевича Соловьева «Кочевье», написанная в 1929 и опубликованная в 1932 году. Одним из главных приемов ориентальной поэтики Леонида Соловьева названо обращение к фольклорной, обрядовой, ритуальной жизни народов Средней Азии. Повествователь Соловьева не традиционный для ориентализма сторонний наблюдатель чужой, а потому экзотической картины мира. В поэтике Соловьева субъект повествования слит с его объектом, представляет единое целое: русская литература заговорила голосом чужеземца. Материал статьи отвечает тем интенциям, которые намечены в современных постколониальных штудиях.

Ключевые слова: русский ориентализм, советский ориентализм, Леонид Соловьев, фольклор, Средняя Азия, постколониальная проблематика в литературе

История статьи: поступила в редакцию – 15 августа 2020 г.; принята к публикации – 30 августа 2020 г.

Для цитирования: Шафранская Э.Ф., Волохова Т.В. Поэтика ориентализма: повесть Леонида Соловьева «Кочевье» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 4. С. 648–656. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-648-656>

Orientalism poetics: story by Leonid Solovyov “The Nomad”

Eleonora F. Shafranskaya, Tatyana V. Volokhova

Moscow City Pedagogical University
4 2-oi Selskokhozyaystvennyi Dr, Moscow, 129226, Russian Federation
shafranskayaef@mail.ru; tvvolokhova@gmail.com

Abstract. The article deals with the problem of orientalism in literature, narrowed to the question of “Russian orientalism” and its Soviet derivation. The names of Nikolai Karazin and Andrey Platonov are mentioned among Russian literary Orientalists. The researchers

© Шафранская Э.Ф., Волохова Т.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

identify the differences between Soviet Orientalism and the Orientalism of the XIX century. The analytical paradigm presented in the article outlines the prospects for the scientific study of “Uzbek impressions. Salir-Gul” (1933) by Sigismund Krzyzanowski and Pavel Zaltzman's novel “Central Asia in the Middle Ages” (1930s). For the first time, the novel “The nomad” (“Kochevye”) by the Russian writer of the twentieth century Leonid Solovyov written in 1929 and published in 1932 is analyzed in detail. Appeal to the folklore, ceremonial, and ritual life of the peoples of Central Asia becomes one of the main techniques of Leonid Solovyov's Oriental poetics. Solovyov's narrator is not a traditional orientalist observer of an alien, and therefore exotic, picture of the world. In Solovyov's poetics, the subject of the story merges with its object and represents a single whole: Russian literature spoke in the voice of a stranger. The material of the article corresponds to the intentions outlined in modern postcolonial studies.

Keywords: Russian Orientalism, Soviet Orientalism, Leonid Solovyov, folklore, Central Asia, postcolonial problems in literature

Article history: received – 15 August 2020; revised – 18 August 2020; accepted – 25 August 2020.

For citation: Shafranskaya, E.F., & Volokhova, T.V. (2020). Orientalism poetics: Story by Leonid Solovyov “The Nomad”. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(4), 648–656. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-648-656>

Введение

Русский писатель XX века Леонид Васильевич Соловьев известен своей романной дилогией о Ходже Насреддине, вобравшей в себя устное словесное творчество Средней Азии, приметы ландшафта, городских локусов, обрядовой и социальной жизни Туркестанского края (перечисленный ряд входит в набор паттернов туркестанского текста русской культуры [1]) – все то, что полюбил Соловьев, немало лет проживший в тех краях.

Актуальность нашей статьи связана с новой, постсоветской рецепцией творчества Л. Соловьева. Большинство исследователей XX века обходило период в биографии писателя, связанный с арестом и заключением (даже в исследовании 1980 года И.В. Кольцовой [2] об этом не упоминается). В XXI веке о биографии «забытого» писателя Леонида Соловьева с акцентом на трагических перипетиях его судьбы написан ряд статей (среди которых и статья одного из авторов настоящего материала [3]).

Настало время включить творчество Л. Соловьева в дискурс ориенталистских и посториенталистских штудий. По словам литературного критика А.И. Рейтблата, проблематика русского ориентализма существует, и она «постепенно разрабатывается, по большей части на материале жизни и деятельности того или иного востоковеда или человека искусства» [4. С. 392]. Таким образом, нашей статьей мы попытаемся включиться в процесс исследования русского ориентализма.

Представленный материал имеет целью показать особенности поэтики русского ориентализма XX века на примере одной повести Соловьева «Коcheвье», никем не исследованной прежде.

В «постсаидовском» дискурсе под ориентализмом принято понимать изображение Востока с позиции человека западных ценностей – с позиции пре-восходства. И какими бы ни были точки зрения оппонентов Эдварда Саида,

от такого толкования уже не уйти. Сегодня в науке исследуется прецедент «русского ориентализма», вызревшего в процессе колониальных и постколониальных рефлексий XIX–XX веков.

Обсуждение

В формирование русского ориентализма внес заметный вклад писатель XIX века Николай Каразин [5; 6]. Огромное по объему его творчество – публицистика и беллетристика – стало азбукой для всех последующих ориенталистов XX века. Даже если мы не находим частных свидетельств и упоминаний о Каразине у ряда авторов, сути дела это не меняет: у Каразина учились все ориенталисты, его имя и проза стали альфой и омегой русского ориентализма. Однако собственно «русский ориентализм» претерпевает некоторое изменение в советский период (назовем его «советский ориентализм»). Мы обнаружили, как минимум, *два отличия*, две новых ноты.

Первое: в изображении – в палитре от удивления до осуждения – нравов, быта, социальных условий жизни «туземцев» звучит надежда на скорую цивилизацию, которая придет со стороны русских завоевателей – таков канон русского ориентализма XIX века.

В культуртрегерском портфолио Каразина есть несколько записанных им от среднеазиатских сказителей фольклорных текстов (посредством переводчика), в частности, «Сказка о женском ханстве» [7] и легенда «Кара-джигит» [8]. Оба они имеют схожий финал: спасение от зла приходит (или должно прийти) со стороны России, прямо не названной в повествовании, но угадываемой в ряде прозрачных характеристик:

«А собьет те замки, повалит стены, развеет горе, вытрет слезы... одна женщина... Придет, прилетит эта чудная с далекого севера, волосы у нее будут, как снег, белые, глаза, как море синее, груди, как горы, льдом покрытые... и польется молоко-благодать из тех грудей на наши головы женские...» [7. С. 294].

«Чудная была эта девочка, малая, слабая, ребенок ребенком, волосы светлые, серебристее ковыля степного, в жаркую пору высохшего, глаза голубые, как небо весною, белое личико, белое тело... Привез ее мать батыр один, из наших, привез из-под “Орска, с севера”, забарантовал в набеге...» [8. С. 799].

Можно предположить, что эти два финала-прогноза звучат именно в присутствии русского фольклориста, не без желания угодить писателю-офицеру, в лице которого народный сказитель видит новую власть. Для ряда текстов, которые удалось записать Каразину, характерно прямо или опосредованно выраженное отношение фольклорного рассказчика к власти русских колонизаторов – от льстивого (в упомянутых выше текстах) до враждебного (например, в проповеди о белом верблюде из романа «Погоня за наживой» [5. С. 373–378]).

«Советский ориентализм» несколько меняет цивилизационную парадигму: *счастье* придет со стороны большевиков, советской власти. Оппозицией ориенталистского канона становится не *местное/русское* (где «местное» имеет обертоны – дикое, дремучее); новая оппозиция «подкорректирована»:

местное/советское (где «местное» выступает в симбиозе с колонизаторским-русским). Наглядно эта оппозиция выражена в повести Андрея Платонова «Джан»: Суфьян «одет был в старинную шинель русского солдата времен хивинской войны и в картуз, а обувался в обмотки из тряпок» [9. С. 417] – русское завоевание (хивинская война – одна из его фаз) не принесло счастья народу джан, это сделает Назар Чагатаев, посланец советской власти.

Второе: одним из паттернов русского ориентализма предстают так называемые *оксиденталистские* мифы – рецептивные тексты и мотивы, рожденные в среде «туземцев», некий ответ на ориентализм (или «обратный» ориентализм). Русские завоеватели предстают в них сверхъестественной силой: дьявол, шайтан, нечисть – таков враг в устных нарративах «туземцев». «Другой раз Юсуп в большом обществе... рассказывал про русских такие небылицы и так красноречиво описывал разные нелепости их обрядов и обычаев, что даже сам увлекся своею бранью, ругался напропалую, подбирая для “белых рубах” самые обидные сравнения...» (Каразин) [5. С. 138]. Наблюдения Каразина подтверждаются словами этнографа В.П. Наливкина: «“Когда наши войска приближались к Чимкенту и Ташкенту, среди здешних туземцев ходили, как им казалось тогда, достоверные, слухи о том, что русские не похожи на обыкновенных людей; что у них лишь по одному глазу, помещающемуся посередине лба; что у них такие же хвосты, как у собак; что они необычайно свирепы, кровожадны и употребляют в пищу человеческое мясо” – таков, в свою очередь, один из оксиденталистских мифов» [1. С. 240]. Каразин и целая плеяда ориенталистов XIX века (из популярных – В.В. Верещагин), будучи объективными, так как не обходят это враждебное к себе отношение со стороны завоеванных народов, сетуют на такое недружелюбие, но в то же время говорят о том, что надо подождать, все образуется. Взгляд ориенталиста соглашается с неприятием колонизируемого и видит перспективу своего доминирования, спасения от бед и дикости в «русском мире».

В текстах «советского ориентализма» этот оксиденталистский взгляд ориентализируется: авторы, в том числе А. Платонов и Л. Соловьев, разделяют оксиденталистскую точку зрения. Им есть что противопоставить «русскому миру» – советский.

Посмотрим, как работает канон «советского ориентализма» в повести Л. Соловьева «Кочевье». Надо отметить, что это была первая книга писателя, изданная в 1932 году. Больше повесть не переиздавалась. Она напечатана только в XXI веке в пятитомном собрании его сочинений (2010). Видимо, на то были идеологические причины.

И.В. Кольцова, соловьевовед, пишет: «В творчестве Л. Соловьева 1930-х годов вызывает интерес не только преломление восточной темы, но и упорное сочетание чисто “русского” направления со “среднеазиатским”» [2. С. 15]. Что имела в виду исследовательница под «русским направлением», из контекста не ясно – смеем предположить, что Соловьева интересовали проблемы «русской колонизации», которые многогранно представлены в «Кочевье». Характерно, что эта повесть ни разу не упомянута в исследовании И.В. Кольцовой.

В девяти главах «Кочевья» последовательно развивается линейный сюжет на фоне исторических событий начала XX века:

– это первая мировая война («Где-то далеко урусы воевали с джарманами...» [10. С. 197], «А русских, слышно, бьют...» [10. С. 203], «Австры обидели каких-то сербов, урусы почему-то заступились, а джарманы пошли за австров. Турки пошли за джарманов, инглизы и франки – за урусов... Болгары, румыны, кара-тау...» [10. С. 240]);

– среднеазиатские бунты туземного населения против мобилизации («Русских солдат, будто бы, уже всех перебили, и теперь у царя осталась надежда только на киргизов» [10. С. 221], «Я не пойду. И никто не пойдет. В горы убежим» [10. С. 222]; «...Аильчины начали громить русское село» [10. С. 243], «Передние уже сошли вниз, а из-за холмов выходили все новые и новые толпы» [10. С. 243]);

– революция («...Произошли большие перемены: Ак-пашу выгнали, приставов и исправников тоже. <...> В городе стрельба, народ ходит с красными флагами, поет песни, базар сожжен... Нет ни стражников, ни пристава, ни исправников, ни губернатора... Ничего нет» [10. С. 251–252]);

– гражданская война («В Коканде под стенами крепости легло много тысяч: шестнадцать красных поставили на стенах пулеметы, а дураки басмачи, с муллами во главе, поперли на крепость... В Намангане тоже вышла большая резня: узбеки пошли на узбеков, армяне стали резать персов, персы, соединившись с узбеками, перебили армян и принялись за русских. Кто из них красный, кто черный, кто басмач, кто большевик – ничего не поймешь» [10. С. 282]).

Все эти события не предмет изображения в повести – это фон, на котором протекает жизнь небольшого кочевья Кара-Багиш в степях Джетысу, с внутренними проблемами кочевников, борьбой за местную власть, справедливость, с обрядами и ритуалами, упорядочивающими отношения с природой, которые влияют на ведение хозяйства. С одной стороны, жизнь карабагишцев подчинена сезонным процессам в природе – эту мирную, веками заведенную жизнь автор создает ритмизованными зачинами главок («Зимние вечера в степи долги и скучны...» [10. С. 207], «Зима пролетела быстро и незаметно» [10. С. 250], «На кустах наметились почки...» [10. С. 273], «Наступил веселый летний праздник Курбан» [10. С. 287] и т. д.), с другой стороны – эхо, казалось бы, далеких от Кара-Багиша мировых событий доносится до него, из эха превращаясь в море крови и горы трупов. Наличие «русского мира» в жизни кочевья не маргинальное – собственно, под него подстраиваются все институты обыденности кочевников. Русских не любят, но боятся – это власть.

Надо отметить, что повествователь – некий субъект, хорошо знающий жизнь кочевников, их уклад, мысли и тревоги, он без обиняков обосновывает антирусские настроения карабагишцев, передавая их в несобственно-прямой речи. Например, «Кругом обман и подкуп, русские отняли волю, землю, да еще в солдаты хотят брать!» [10. С. 202], «Лучшие земли заселялись прижимистыми переселенцами, киргизы оттеснялись к горам, на бесплодный камень. <...> Казаки распахали киргизскую землю, а суд признал их правыми... русский суд! <...> Налог брали за все: за скот, за зимние становища, за летние пастбища, за прогон скота, за угон скота, за покупку, за про-

дажу... Словно и скот и землю создали сами русские. А теперь еще придумали налог на войну...» [10. С. 208–209].

Подобных упреков в адрес новой власти в повести немало. Это «отраженное чужое слово», связанное «с фразеологической точкой зрения» [11. С. 47], то есть, по словам Б.О. Кормана, с «отношением между субъектом и объектом в речевой сфере», между их речевыми манерами [11. С. 51]. В. Виткович, хорошо знавший Соловьева, отмечает, что тот создает образ такого рассказчика, который владеет всем арсеналом народного сказительства [12. С. 61]. Виткович имеет в виду дилогию о Ходже Насреддине, однако этот прием вызывает у писателя много раньше.

Читатель, знакомясь с картиной жизни колонизированного народа и его настроениями, подспудно ожидает смены вектора в отношении к русской власти. И он не обманут. Иначе и быть не могло, если знать, когда написана повесть, каковы идеологические установки в стране. Но это еще не 1934 год, после которого вряд ли Соловьеву разрешили бы опубликовать «Кочевье», даже несмотря на то, что ближе к финалу сюжета гнет царской власти смещен большевиками. Новая большевистская власть в сюжете повести не выглядит добросердечной: когда глава кочевья, баш Назарбек, вместе со спутниками едет в город на разведку, большевики бесцеремонно реквизируют у него верблюда и коней: «Не видел, что ли повешенного? Солдаты стащили баша с верблюда. Один легонько подтолкнул его прикладом. – Иди, иди, старый. Ишь, вонючий какой...» [10. С. 275]. Единственным большевистским персонажем предстает безымянный «красный» командир, названный «раненым» (его, раненого, выходили кара-багишцы, тем не менее по выздоровлении повествователь продолжает называть его «раненым»). Он, на ходу сочиняя морализаторскую сказку о «толстом и тощем», пытается с ее помощью объяснить кочевникам, чем хороши большевики, однако убедить получается не всех, потому что «русские хоть и прогнали своего царя, но мусульманам не было легче: новые русские начальники работали плетью еще хлеще старых» [10. С. 321]. Этот командир-большевик – первый противовес в идеологическом арсенале Соловьева; второй – судьба пастуха Авеза, сквозного персонажа. С несправедливости местного богача в отношении Авеза начинается повесть – а заканчивается главой «Пастух», посвященной перипетиям судьбы Авеза. Не видя выхода в бесправии, Аvez становится участником бунта против власти колонизаторов, затем – арест, розги, ожидание казни, отправка на фронт, бегство, спасение в отряде басмачей, вера в газават, священную войну мусульман, разочарование, возвращение в родное кочевье и, наконец, единственный выход, который видит Аvez, – пойти на службу к красным. Возможно, для официальных начальников от советской литературы такой ход вещей (такое некатегоричное, неочевидное преимущество советской власти, противоречиво представленной в повести) и вызвал настоженное отношение к личности Леонида Соловьева, нескоро, но все же арестованного за «антисоветскую агитацию».

В поэтике ориентализма Л. Соловьева можно выделить элементы орнаментализма, спроецированные культурой, ландшафтом, бытом, фольклором Средней Азии. Эти речевые элементы характеризуют речь повествователя,

точка зрения которого, как субъекта, совпадает с точкой зрения объекта [11]. Таковы множественные *сравнения* в повести, например, «лицо пристава стало полосатым, как вызревший на солнцепеке арбуз» [10. С. 236], «луч заходящего солнца... походил на прозрачный ятаган» [10. С. 237], «твой язык, Сарымсак, длиннее, чем дорога до Ташкента» [10. С. 265], «его голос звенел, как сталь беговатской сабли» [10. С. 269]; *символы* культуры: «Баш... надел белый халат – символ власти и справедливости» [10. С. 214]; описание *обрядов*, например, погребального: «В дорогом одеянии опустили баша в могилу, удобно усадив его в подземной комнате...» [10. С. 227]; описание *магических практик*, например против джута (падежа скота, связанного с обледенением почвы). Текст повести изобилует пословицами кочевников, которые Соловьев умело и к месту вплетает в повествование.

В. Виткович, друг Леонида Соловьева, напишет в повести «Круги жизни» о любви своего друга к устному слову Средней Азии: «Тяга к фольклору и народному языку у Лени проявилась очень рано. После уроков в Кокандском железнодорожном училище он любил побродить по знаменитому в те времена крытому базару Коканда – одному из самых больших базаров Средней Азии. И особенное удовольствие ему доставляли базарные певцы и рассказчики. <...> Еще учеником он начал приспособливать узбекский фольклор к русскому языку и очень этим забавлялся» [12. С. 61].

Если обращение к восточному фольклору у классических ориенталистов способствует созданию экзотической картины чужого мира, то не так у Соловьева. У читателя создается впечатление, что для повествователя восточный фольклор органичен, ни в какой мере не чужероден, будто говорит один из «туземцев». В этом также специфическая черта поэтики ориентализма писателя.

Почему повесть Соловьева «Кочевье» не вошла в корпус популярных текстов русской литературы 30-х годов XX века? Думается, что власть «не пустила». Несмотря на развязку, созданную в матрице социалистического реализма, в подтексте повести тем не менее заложена мысль о разрушении мира кара-багишцев с приходом русской власти, как царской, так и большевистской. В итоге такого племени больше нет: одна половина ушла в басмачи, другая подчинилась большевикам, брат пошел против брата (глава «Брат»), и не стало прежнего мира, ритмизованного сезонами года, со своим правым судом, справедливыми законами, с устоями почитать старейшин – «только в степных преданиях сохранится и самое имя “Кара-Багиш”» [10. С. 348].

Заключение

В «Кочевье» сокрыты те постколониальные интенции, которые выйдут на поверхность только в постсоветский период. Над подобными проблемами задумывались многие современники Л. Соловьева, которые писали о Средней Азии, например, Сигизмунд Кржижановский («Салыр-Гюль») и Павел Зальцман («Средняя Азия в Средние века»). По-разному складывалась судьба их текстов, предвестников постколониальных штудий: «Салыр-Гуль» не печатали при жизни писателя, кроме фрагмента под названием «Скитаясь по Востоку» в журнале «Тридцать дней» (в 1930-е годы), впервые полный текст –

в собрании сочинений (2003, т. 3); свой роман «Средняя Азия» Зальцман писал «в стол», «Кочевье» предали забвению. Но все эти тексты предвосхитили грядущее – нашу современность, в которой эти проблемы, волновавшие писателей 1930-х годов и закамouflированные под аллегории, эзопов язык, ныне четко артикулированы.

Список литературы

- [1] Шафранская Э.Ф. Туркестанский текст в русской культуре: колониальная проза Николая Каразина (историко-литературный и культурно-этнографический комментарий). СПб.: Свое издательство, 2016. 370 с.
- [2] Кольцова И.В. По следам Насреддина: диалогия Л. Соловьева о Ходже Насреддине. Ташкент: Изд-во литер. и иск. им. Гафура Гуляма, 1980. 112 с.
- [3] Волохова Т.В. Он мечтал стать дервишем: биография Леонида Соловьева // «Неужели кто-то вспомнил, что мы были...» Забытые писатели: сб. науч. статей. СПб.: Свое издательство, 2019. С. 185–199.
- [4] Рейтблат А.И. «Ориентализм» и русский ориентализм (обзор книг по ориентализму в русских востоковедении и литературе) // Новое литературное обозрение. 2020. № 1 (161). С. 392–400.
- [5] Каразин Н.Н. На далеких окраинах. Погоня за наживой: романы / подгот. Э.Ф. Шафранская; отв. ред. Б.Ф. Егоров. М.: Наука, 2019. 632 с. (Серия «Литературные памятники»).
- [6] Шафранская Э.Ф. «Каразин! Азия!» // Н.Н. Каразин. На далеких окраинах. Погоня за наживой: романы / подгот. Э.Ф. Шафранская; отв. ред. Б.Ф. Егоров. М.: Наука, 2019. С. 525–596. (Серия «Литературные памятники»).
- [7] Каразин Н.Н. Сказка о женском ханстве: отрывок из записной книжки // Древняя и новая Россия. 1875. Т. 3. № 11. С. 290–294.
- [8] Каразин Н.Н. Кара-Джигит: былина среднеазиатских кочевников // Нива. 1880. № 40. С. 794–800.
- [9] Платонов А. Джан: повесть // Платонов А. Избранные произведения / сост. М.А. Платонова. М.: Экономика, 1983. С. 396–506.
- [10] Соловьев Л.В. Кочевье: повесть // Соловьев Л.В. Собр. соч.: в 5 т. М.: Книговек, 2010. Т. 3. С. 197–366.
- [11] Корман Б.О. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов // Проблемы истории критики и поэтики реализма: межвузовский сб. Куйбышев: Куйбышев. гос. ун-т, 1981. С. 39–54.
- [12] Виткович В.С. Круги жизни: повесть в письмах. М.: Молодая гвардия, 1983. 290 с.

References

- [1] Shafranskaya, E.F. (2016). *Turkestanский текст в русской культуре: Колониальная проза Николая Каразина (историко-литературный и культурно-этнографический комментарий)* [The Turkestan text in the Russian culture: Colonial prose of Nikolay Karazin (historico-literary and cultural and ethnographic comment)]. Saint Petersburg, Svoe izdatelstvo Publ.
- [2] Kolcova, I.V. (1980). *Po sledam Nasreddina: Dialogiya L. Soloveva o Hodzhe Nasreddine* [In the wake of Nasreddin: L. Solovyov's dilogy about Hodge Nasreddin]. Tashkent, Izdatel'stvo literatury i iskusstva imeni Gafura Gulyama Publ.
- [3] Volokhova, T.V. (2019). On mechtal stat dervishem: Biografija Leonida Soloveva [He dreamed to become a dervish: Biography of Leonid Solovyov]. "Neuzheli kto-to vspomnil, chto my byli..." Zabytye pisateli ["Really someone remembered that we were..." The Forgotten writers]; Collection of scientific articles (pp. 185–199). Saint Petersburg, Svoe izdatelstvo Publ.

- [4] Rejtblat, A.I. (2020). “Orientalizm” i russkij orientalizm (obzor knig po orientalizmu v russkikh vostokovedenii i literature) [“Orientalism” and the Russian orientalism (the review of books on orientalism in Russians oriental studies and literature)]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 1(161), 392–400.
- [5] Karazin, N.N. (2019). *Na dalekikh okrainah. Pogonja za nashivoy* [On the far outskirts. Pursuit of a profit]: Novels. Moscow, Nauka Publ.
- [6] Shafranskaya, E.F. (2019). “Karazin! Azija!” [“Karazin! Asia!”]. In N.N. Karazin, *Na dalekikh okrainah. Pogonja za nashivoy* [On the far outskirts. Pursuit of a profit]: Novels (pp. 525–596). Moscow, Nauka Publ.
- [7] Karazin, N.N. (1875). Skazka o zhenskome hanstve: Otryvok iz zapisnoj knizhki [Tale of the female khanate: A fragment from the notebook]. *Drevnjaja i novaja Rossija* [Ancient and new Russia], 3(11), 290–294.
- [8] Karazin, N.N. (1880). Kara-Dzhigit: Bylina sredneaziatskikh kochevnikov [Cara Dzhigit: Bylina by the Central Asian nomads]. *Niva*, (40), 794–800.
- [9] Platonov, A. (1983). Džhan [Gian]: Story. In A. Platonov, *Izbrannye proizvedenija* [Chosen works] (pp. 396–506). Moscow, Ekonomika Publ.
- [10] Solovev, L.V. (2010). The Nomad [Kochevye]: Story. In L.V. Solovev, *Sobranie sochinenij* [Collected works] (vol. 3, pp. 197–366). Moscow, Knigovek Publ.
- [11] Korman, B.O. (1981). Celostnost literaturnogo proizvedenija i jeksperimentalnyj slovar literaturovedcheskikh terminov [Integrity of the literary work and experimental dictionary of literary terms]. *Problemy istorii kritiki i poetiki realizma* [Problems of history of criticism and poetics of realism]: Interuniversity collection (pp. 39–54). Kujbyshev, Kujbyshevskij gosudarstvennyj universitet Publ.
- [12] Vitkovich, V.S. (1983). *Krugi zhizni: Povest v pismah* [Life circles: The story in letters]. Moscow, Molodaja gvardija Publ.

Сведения об авторах:

Шафранская Элеонора Федоровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета.

Волохова Татьяна Витальевна, аспирант кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета.

Bio notes:

Eleonora F. Shafranskaya, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature of the Moscow City University.

Tatyana V. Volokhova, graduate student of the Department of Russian Literature of the Moscow City University.